

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ДВОРЯНКИ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА КАК ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема, поставленная в данной статье, уже не один год является предметом моей научной работы, поэтому мне хотелось бы остановиться лишь на двух общих вопросах, решение которых представляется принципиальным. *Первый* вопрос носит теоретический характер и состоит в определении места в современном российском научном дискурсе исследований повседневной жизни и истории повседневности дворянства. *Второй* вопрос — прикладной — заставляет размышлять о том, в чем заключается специфика анализа именно провинциальной повседневности русских дворянок и насколько этот анализ является репрезентативным для понимания отдельных аспектов дворянской культуры.

К сожалению, отвечая на *первый* вопрос, приходится констатировать, что процесс институционализации истории повседневности как одного из направлений в российской исторической науке сегодня нельзя считать завершенным. Объясняется это, на мой взгляд, следующим.

В российском научном дискурсе последних лет проблемы повседневной истории и повседневной жизни все чаще заявляют о себе как имеющие самостоятельную аналитическую, методологическую и источниковедческую значимость. Начало их изучению было положено еще во второй половине 80-х гг. XX в., а отчасти даже в 70-е гг.¹ и ознаменовано наряду с появлением работ отечественных ученых переводом на русский язык труда Фернана Броделя «Структуры повседневности. Возможное и невозможное» (М., 1986)². Выход единичных публикаций в первой половине 90-х гг., или в т. наз. постперестроечный период, достигает своеобразного пика во второй половине 90-х гг. и затем переживает еще больший подъем в первые годы нового столетия. Несмотря на эту позитивную динамику в историографии «повседневности», ставшему теперь уже очевидным интересу к данной проблематике предшествовал период скепсиса и непонимания в отношении возможности и, главное, актуальности изучения повседневной жизни рядовых людей, ничем, в общепринятом смысле, не знаменитых. В этой связи особенно консервативными — по причине повышенной идеологизированности в советское время и большей «закрытости» от проникновения западных научных концепций — были такие дисциплины, как история России и отечественное историческое краеведение.

Неслучайно первые исследования по истории повседневности в российском научном дискурсе второй половины 80-х — первой половины 90-х гг. XX в. появляются не в области русской истории, а в области антиковедения (в работах Георгия Кнабе³) и западноевропейской медиевистики (в работах приверженцев исторической антропологии, идущей вслед за школой «Анналов», Арона Гуревича⁴, Аллы Ястребицкой⁵ и Юрия

¹ Как видно из последующих сносок, отдельные исследования, затрагивающие проблематику «истории повседневности», можно встретить в российской, а тогда еще советской, историографии и в 70-е гг. XX в.

² Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986.

³ Кнабе Г. С. Древний Рим — история и повседневность. М., 1986; *Он же*. Диалектика повседневности // *Он же*. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М., 1994.

⁴ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. (2-е изд. — 1984); *Он же*. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981; *Он же*. Культура и общество средневековой Европы глазами современников: Exempla XIII в. М., 1989. Женщина, семья, секс, или Цивилизация мужчин. С. 241; *Он же*. К читателю // Одиссей: Человек в истории. 1989. М., 1989; *Он же*. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990.

⁵ Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII веков: Эпоха. Быт. Костюм. М., 1978; *Она же*. Женщина в повседневной жизни позднего средневековья // Культура и общество в средние века в зарубежных исследованиях. М., 1990; *Она же*. Повседневность и материальная культура

Бессмертного⁶). Теоретические аспекты этих исследований касались, в основном, интерпретации сложившейся во французской историографии парадигмы «структур повседневности», а также проблемы выделения истории повседневности как истории «обычных» людей во взаимодействии материальных и ментальных структур их жизни в самостоятельную субдисциплину из новой социальной истории⁷ школы «Анналов». Вместе с тем в работах вышеназванных ученых справедливо подчеркивалось, что в последней трети XX в. история повседневной жизни получила массовое распространение не только во Франции, но и в целом ряде других европейских стран, в особенности в Германии и Австрии⁸. Уже в 1990 г. в России появился аналитический обзор исследований по «истории повседневности» в немецкой историографии того времени, среди которых особое внимание уделялось периоду новейшей истории 20—40-х гг. XX в.⁹

Еще раз хочу подчеркнуть, что в российской историографии 90-х гг. XX в. рецепция западных концепций «истории повседневности» в большей степени нашла отражение в трудах антиковедов, медиевистов и модернистов, изучающих западноевропейскую историю. Тем более ценными представляются исследования в этом направлении, предпринятые на предметном поле русской истории. Именно здесь с изучением «истории повседневности» дело обстоит гораздо сложнее.

Традиционная историография отечественной истории продолжала по инерции «мыслить» макроструктурами, сменив классификационный признак и оценку его с господствовавшего долгое время догматизированного формационного подхода на недавно воспринятый, но сразу же абсолютизированный и потому также имевший все шансы стать догмой цивилизационный подход. Это походило на смену названия при полном тождестве исследовательской парадигмы. Ни новых методов, ни новой проблематики, за исключением тех новых тем, обсуждение которых до «перестройки» было невозможно по идеологическим соображениям, в историографическую традицию постперестроечного времени привнесено не было, и от изучения событийно-политического и социально-экономического аспектов истории до повседневного опыта субъектов этой истории было все еще далеко.

Средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. М., 1991; *Она же*. Материальная культура и образ жизни в Европе на исходе средневековья // История Европы с древнейших времен до наших дней: В 8 т. М., 1993. Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV — первая половина XVII в.). Ч. 1. Гл. 1; *Она же*. Европейский мир XVI — середины XVII в.: Материальная культура и повседневная жизнь // Средневековая Европа глазами современников и историков: Кн. для чтения: В 5 ч. / Отв. ред. А. Л. Ястребицкая. М., 1995. Ч. 5: Человек в меняющемся мире; *Она же*. Средневековая культура и город в новой исторической науке: Учеб. пособие. М., 1995. Очерк V: Город в системе повседневной культуры средневековья: костюм и мода.

⁶ *Бессмертный Ю. Л.* К изучению матримониального поведения во Франции XII—XIII вв. // Одиссей. М., 1989; *Он же*. Брак, семья, любовь в средневековой Франции // Пятнадцать радостей брака. М., 1991; *Он же*. Жизнь и смерть в средние века: Очерки демографической истории Франции. М., 1991; *Он же*. Новая демографическая история // Одиссей. М., 1994; *Он же*. Брак, семья и любовь // Средневековая Европа глазами современников и историков. Ч. 3; *Он же* (ред.). Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени. М., 1996.

⁷ См. об этом: *Ястребицкая А. Л.* Средневековая культура и город... С. 343. Также см.: *Пушкарева Н. Л.* Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы // *Вопр. истории*. 1998. № 6. С. 77. О социальной истории как о направлении современной историографии см.: *Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 1998. С. 8—72.

⁸ См.: *Ястребицкая А. Л.* Средневековая культура и город... С. 346. Один из примеров: *Frau und Spätmittelalterlicher Alltag*. Wien, 1986.

⁹ Об «истории повседневности» (по-немецки *Alltagsgeschichte*) как о направлении в германской историографии см.: *Оболенская С. В.* «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей. М., 1990; *Она же*. Некто Йозеф Шефер, солдат гитлеровского вермахта: Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» // Одиссей. М., 1996.

Наметившийся еще в 80-е гг. своеобразный «прорыв» к «истории повседневности» на материале российских исторических реалий был совершен не собственно историками-русистами, как можно было бы ожидать — именно по причине большего доверия над ними идеологических схем, а специалистами в области литературоведения (работы Юрия Лотмана¹⁰ о символике бытового поведения русской дворянской элиты XVIII — начала XIX в.), в области этнологии семьи, истории женщин и гендерной истории (работы Натальи Пушкаревой о частной жизни и повседневном быте русских женщин X — начала XIX в.¹¹) и искусствоведения (работы Раисы Кирсановой о русском костюме и повседневном быте XVIII—XIX вв.¹²). Самостоятельность и нестандартность их исследовательских подходов по отношению к западным концепциям доказывается тем, что к анализу проблематики повседневной жизни и повседневного быта эти ученые пришли разными путями, занимаясь изысканиями в различных, формально не связанных между собой дисциплинах. Однако всех их объединяет, и это особенно важно, своеобразная «пограничность» исследований. В работах Лотмана, основателя тартуско-московской школы семиотики, — это грань литературоведения и семиотики (уточню, что последняя дисциплина развивалась усилиями гуманитариев-нонконформистов), у Пушкаревой — грань этнологии и истории женщин (дисциплины, которая в России 80-х — первой половины 90-х гг. не была признанной), у Кирсановой — искусствоведения и истории материальной культуры. Такая ситуация лишь подтверждает, что проблематика истории повседневности может быть выявлена с наибольшей очевидностью на стыке научных направлений и изначально может характеризоваться как междисциплинарная. Более того, ее трудно интерпретировать без привлечения методов и подходов, познавательных возможностей и стратегий разных направлений гуманитарного знания. Также обращает на себя внимание и то, что все три вышеназванных автора с разных позиций занимаются изучением реалий именно дворянской, в том числе и женской, повседневности.

Тем самым можно констатировать, что история повседневности, несмотря на возникновение вне рамок официальной историографии, «пробилась» на исследовательское поле русской истории. В настоящее время она оценивается представителями отечественной академической науки как вызывающая повышенный интерес¹³ и жизнеспособная¹⁴. Свидетельства этого, *во-первых*, растущее число публикаций, исследующих те или иные аспекты повседневного опыта различных слоев российского или советского общества¹⁵, а не только дворянства, *во-вторых*, проведение научных конференций или отдельных секций, на которых обсуждаются с позиций разных

¹⁰ Лотман Ю. М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя. Л., 1980; *Он же*. Декабрист в повседневной жизни // *Он же*. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. М., 1988; *Он же*. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.

¹¹ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989; *Она же*. Женщины России и Европы на пороге Нового времени. М., 1996; *Она же*. Частная жизнь русской женщины: невеста, жена, любовница (X — начало XIX в.). М., 1997.

¹² Кирсанова Р. М. Русский костюм и быт XVIII—XIX веков. М., 2002; Кирсанова Р. М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок: костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М., 1989.

¹³ Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город... С. 342—343.

¹⁴ Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования... С. 77.

¹⁵ См. напр.: Найденова Л. П. Мир русского человека XVI—XVII вв.: (По Домострою и памятникам права). М., 2003; Щербинин П. П. Повседневность солдатских жен в России в XIX в. // От мужских и женских к гендерным исследованиям: Материалы междунар. науч. конф., Тамбов, 20 апреля 2001 г. / Отв. ред. П. П. Щербинин. Тамбов, 2001; Градскова Ю. В. «Обычная советская женщина»: Идентичность и повседневные практики // Гендерные отношения в России: история, современное состояние, перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Иваново, 27—28 мая 1999 г. / Отв. ред. О. А. Хасбулатова. Иваново, 1999.

дисциплин проблематика и подходы истории повседневности¹⁶, *в-третьих*, постоянная рубрика «Повседневность» в имеющем широкий публичный резонанс историческом журнале «Родина»¹⁷, *в-четвертых*, признание в 2003 г. Российской Академией Наук истории повседневности одним из основных направлений фундаментальных исследований в разделе «Историко-филологические науки». Вместе с тем нельзя не заметить определенной асимметрии в современных исследованиях по истории русской повседневности, которая проявляется, на наш взгляд, в следующем.

Во-первых, в отсутствии полномасштабных комплексных исследований повседневных практик и «структур повседневности» представителей тех или иных групп или слоев общества в разные периоды истории на фоне большого числа исследований, посвященных отдельным частным аспектам и проявлениям «повседневности». Исключение в этой связи представляет изучение повседневной жизни русских женщин Натальей Пушкаревой, особенно в том, что касается допетровского времени. В XVIII в. социокультурная ситуация в России усложняется, и каждая социальная страта нуждается в специальной реконструкции собственного, как правило, внутренне дифференцированного, повседневного опыта, «прочитанного» в гендерном аспекте.

Второе проявление вышеупомянутой асимметрии видится в недостаточной теоретической оснащенности российских исследований, в которые до сих пор слабо интегрированы западные концепты «истории повседневности» и широкой известностью пользуются в основном лишь некоторые из них, а именно: трактовки Фернана Броделя, Жака Ле Гоффа, Йохана Хейзинги¹⁸. При этом существует широкий круг прикладных изысканий, не маркируемых как исследования по «истории повседневности», но, несомненно, относящихся именно к этой предметной области. В большинстве случаев — это, скорее, эссе, чем строго научные штудии, которые именуются «очерками быта» — литературного, театрального, усадебного¹⁹. В рамках таких, не связанных с определенными теоретическими построениями, исследований, как правило, воссоздаются реалии повседневности дворянских женщин, по большей части столичных, чем провинциальных.

Изучение повседневной жизни провинциальных дворянок, казалось бы, должно было заинтересовать, в первую очередь, представителей исторического краеведения. Однако как раз среди них, в особенности среди внеакадемического научного сообщества, «история повседневности» остается до конца не признанной, не «легитимизированной» дисциплиной. Это объясняется, с одной стороны, неразличением предмета исследования

¹⁶ Мифология и повседневность: Гендерный подход в антропологических дисциплинах: Материалы науч. конф., Санкт-Петербург, 19—21 февраля 2001 г. / Сост.: К. А. Богданов, А. А. Панченко. СПб., 2001; Города Европейской России конца XV — первой половины XIX века: Материалы междунар. науч. конф., 25—28 апреля 2002 г., Тверь — Кашин — Калязин: В 2 ч. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002; Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России: Тез. докл. науч. конф., Москва, 27—28 февраля 2002 г. / Отв. ред. А. Г. Вишневский. М., 2002.

¹⁷ В рубрике, называвшейся сначала «Российская повседневность», а позднее просто «Повседневность» см., например: *Пушкарева Н. Л.* (под псевдонимом Львова Н.) Государыня дома: день из жизни женщины допетровского времени // *Родина*. 1996. № 3; *Белова А. В.* Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // *Родина*. 2001. № 9 и др.

¹⁸ Из наиболее известных работ, переведенных на русский язык, см., напр.: *Бродель Ф.* Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М., 1986; *Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / Общ. ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1992; *Хейзинга Й.* Осень средневековья. М., 1988.

¹⁹ *Старикова Л. М.* Театральная жизнь старинной Москвы: Эпоха. Быт. Нравы. М., 1988; *Вацуро В. Э.* С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989; *Соловьев К. А.* «Во вкусе умной старины...»: Усадебный быт российского дворянства II пол. XVIII — I пол. XIX в. СПб., 2000; *Марченко Н.* Приметы милой старины: Нравы и быт пушкинской эпохи. М., 2001.

истории повседневности и традиционной этнографии или исторического описания быта²⁰, с другой стороны, сложившимися стереотипами, ориентирующими ученых-краеведов на подробное изучение жизненных перипетий лишь сколько-нибудь известных, пусть даже на местном уровне, людей, либо выдающихся личностей, причем, главным образом, мужского пола, связанных в определенный период жизни с той или иной местностью, и выяснение оказанного ими влияния на макропроцессы. Подобные представления очень устойчивы, несмотря на то, что факт придания «все большего значения выявлению и изучению “повседневного” в жизни прежде всего “обычных” людей»²¹ был констатирован в отечественной историографии не только применительно к истории культуры²², частной жизни²³ и повседневности²⁴, к исторической антропологии²⁵, но и к «историко-культурному краеведению»²⁶.

Вопрос о соотношении «истории повседневности» и этнографического исследования быта, «истории повседневности» и «истории частной жизни» стал предметом новейших дискуссий и размышлений российских историков и этнографов. В частности, Наталья Пушкарева полагает, что «историка повседневности», в отличие от историков в чистом виде и этнографов, интересуется все — и история быта, и событийная история (влияние тех или иных событий на повседневный быт людей), и история ментальностей и ментальных стереотипов, то есть историческая психология, а вместе с ней — история личных переживаний человека. «Иными словами, подходы историка повседневности интегративны»²⁷. При этом «историк частной жизни» видит своей задачей изучение лишь одной из сфер повседневной жизни — а именно той, «которая зависит от индивидуальных, частных решений»²⁸. Также и Алла Ястребицкая особо подчеркивает осмысление в европейских историографиях истории повседневности именно «как интегративного метода познания человека в истории» и отмечает, что наибольшее признание изучение ее получило «у медиевистов и специалистов по истории раннего Нового времени»²⁹.

Согласно такой трактовке, история повседневности рассматривается как вариант социальной истории, как своего рода видение «всей истории» сквозь призму повседневного опыта человека. Причем в расчет принимается целостное восприятие жизни человека — от рождения до смерти и с утра до вечера. Поскольку время, в котором обнаруживают себя реалии русской дворянской повседневности конца XVIII — первой половины XIX в., — это время сверхмедленное, то важно выяснить соотношение неизменного и «нового» в повседневном опыте людей. При этом специальному анализу подлежат как женские, так и мужские «сценарии» и стратегии жизни.

Таким образом, подводя итог рассуждению по *первому* вопросу и возвращаясь к исходному тезису о незавершенности институционализации истории повседневности как самостоятельного направления в современной российской историографии, можно наметить наиболее желательные перспективы ее развития:

²⁰ Об этих отличиях см.: Ястребицкая А. Л. Средневековая культура и город... С. 343—345; Оболенская С. В. Некто Йозеф Шефер... С. 129; Пушкарева Н. Л. Гендерные исследования... С. 77.

²¹ Шмидт С. О. Вступительное слово // Российская провинция XVIII—XX веков: реалии культурной жизни: Материалы III Всерос. науч. конф., Пенза, 25—29 июня 1995 г.: В 2 кн. / Отв. ред. С. О. Шмидт. Пенза, 1996. Кн. 1. С. 12.

²² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре... СПб., 1994. С. 13.

²³ Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины... С. 253.

²⁴ Оболенская С. В. Некто Йозеф Шефер... С. 134—135.

²⁵ Репина Л. П. «Новая историческая наука»... С. 24.

²⁶ Шмидт С. О. Вступительное слово... С. 19.

²⁷ Пушкарева Н. Л. Частная жизнь и повседневность: глазами историка // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России. С. 44—46.

²⁸ Там же.

²⁹ Ястребицкая А. Л. О культур-диалогической природе историографического // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов: Сб. науч. ст. / Сост. и отв. ред. Г. И. Зверева. М.: РГГУ, 2001. С. 44.

- 1) окончательная легитимизация в пространстве исторического знания,
- 2) преодоление изолированности теоретических концептов и прикладных исследований,
- 3) институционализация истории повседневности как учебной дисциплины в системе университетского исторического образования³⁰,
- 4) признание за историей повседневности потенциала эффективной познавательной стратегии, реализующей возможность не только нового написания, но и толкования социальной истории.

Относительно же исследований повседневной жизни и истории повседневности российского дворянства, нужно подчеркнуть, опираясь на вышеприведенный историографический обзор, что это проблемное поле намного лучше других насыщено работами концептуального характера. Тем не менее история повседневной жизни провинциальных русских дворянок, лишь отчасти затрагиваемая в этих работах, представляет серьезную исследовательскую проблему и нуждается в специальной дальнейшей интерпретации. Тем самым я перехожу ко *второму* вопросу, который как раз и позволит выявить основные аспекты этой проблемы. В чем же состоит ее актуальность в контексте истории повседневности?

Поскольку отчасти проблематика, связанная с описанием отдельных сторон быта, которую сейчас можно отнести к истории дворянской повседневности, рассматривалась в русле традиционной этнографии, стоит дать резюме этого изучения. Сразу скажем, что русскому дворянству не слишком повезло в плане историко-этнографического изучения. До революции 1917 г. в центре внимания этнографов в основном находилось крестьянство, в отношении же дворянства большинство работ было посвящено исследованию правового статуса сословия, а не собственно дворянского быта. В советской историографии «дворянская тема» оказалась чуть ли не под запретом, особенно черты быта, связанные с принадлежностью к православной вере и высокой духовной жизнью образованной части русского дворянского общества. Социокультурное взаимодействие дворянства и крестьянства вообще фактически не проблематизировалось, а постулировалось как однозначно негативное отношение «господствующего класса» к «эксплуатируемому классу». В отдельных работах по дворянскому быту, появившихся в постсоветское время, преследуется цель популяризации, и потому описательность часто подменяет научный анализ. В целом этнологи не занимались и не занимаются, за исключением работ Натальи Пушкаревой, систематическим изучением традиционно-бытовых компонентов дворянской культуры (т. е. обычаев, традиций, верований, искусств, обрядов, праздников) ввиду того, что эта культура никогда не маркировалась как традиционная и, следовательно, не становилась объектом этнологического изучения. При этом этнология понимается как синоним всего культурно-антропологического знания — как «исследования различных культур в единстве общетеоретического и конкретно-эмпирического (этнографического) уровней анализа»³¹.

Важно подчеркнуть, что в российской этнологии носителем национальной культурной традиции считалось и считается крестьянство с его специфическим жизненным и культурным укладом, приверженностью общинному началу и православному вероисповеданию. В то же время дворянство, особенно провинциальное, никогда не изучалось с точки зрения сохранения традиционного русского быта, хотя именно укорененность в нем, несмотря на внешнюю европеизированность и наряду с ней, составляет, на мой взгляд, важную социокультурную характеристику дворянской общности. В результате исследования провинциального дворянского быта именно в контексте истории повседневности можно решить целый ряд важных проблем, связанных

³⁰ На сегодня мне известен только один пример высшего учебного заведения — Российского государственного гуманитарного университета в Москве и его филиалов в других городах России, где «история повседневности» официально входит в учебный план по специальности Культурология.

³¹ *Белик А. А.* Культурология: Антропологические теории культур. М.: РГГУ, 1999. С. 10.

с этнологическим и социоантропологическим прошлым, таких, как проблема социокультурной природы дворянства, проблема дворянской ментальности, проблема межсословного взаимодействия дворянства и крестьянства.

При этом принципиальное значение имеет вопрос о корреляции истории повседневной жизни провинциальных дворянок с существующими трактовками российской дворянской культуры. Материалы частных архивов провинциальных дворян, мемуарные свидетельства позволяют сделать вывод о непосредственном участии женщин в трансляции и репродуцировании различных форм социокультурного опыта, включая хозяйственный, религиозно-нравственный, коммуникативный, об их решающей роли в социализации детей обоего пола. Это, наряду с другими характеристиками, позволяет интерпретировать дворянскую культуру конца XVIII — первой половины XIX в. как традиционный тип культуры. Не менее важна при этом и гендерная специфика провинциальной повседневности, обусловленная фактором неизменного и преобладающего присутствия женщин. То, что московские дворянские семьи часто были многодевичьими, подметил в свое время еще Петр Вяземский в мемуарном очерке «Московское семейство старого быта». В такой провинции, как Тверская губерния, расположенной между Санкт-Петербургом и Москвой, это наблюдение современника также подтверждается документальными, генеалогическими и эпистолярными свидетельствами. Однако наряду с большим количеством дочерей в провинциальных дворянских семьях роль главы зачастую тоже принадлежала женщине. При наличии в семье нескольких поколений — это была старшая женщина. Мотивацией могли служить разные обстоятельства объективного и субъективного характера, например отсутствие мужчины в семье или, при его наличии, длительное нахождение его вне дома и даже проживание вдали от семьи в связи со служебной занятостью, или другие особые обстоятельства, в силу которых дворянка могла занимать лидирующую позицию в семье. Наряду с сосредоточением в ее руках хозяйственных функций, вокруг нее, как правило, концентрировались коммуникативные связи семьи, о чем свидетельствует преобладание женских писем в составе семейной переписки провинциального дворянства. Изучение этих «сетей влияния» представляется существенным для понимания механизмов внутренней консолидации дворянской общности.

Используя категорию «провинциальный» для характеристики российского дворянства, исследователи подчас невольно оказываются в зависимости от негативной ценностной коннотации, сопряженной в русском языке и литературе с понятием «провинциального». В контексте исторических исследований это выражается в оценке «столичного» как нормативного, а «провинциального» как девиантного и во многом предопределяет интерес именно к реалиям столичной повседневности. Вместе с тем асимметричность такой оценки, на мой взгляд, очевидна. Важно учесть и то, что фактором национальной идентичности дворянок, естественно, по-разному проявлявшейся у провинциалок и столичных жительниц, была своеобразная российская «двустильность», символически воспроизводившая известную дихотомию дворянской культуры, обращенной одной стороной к традиционному русскому быту, а другой — к западноевропейским образцам.

В действительных социокультурных условиях России конца XVIII — первой половины XIX в. провинциальные дворяне и дворянки составляли подавляющее большинство по отношению к столичным, а провинциальные миры воплощали глубинный пласт корневой культуры, который либо вообще не был затронут европеизацией, либо подвергся ей весьма поверхностно. Важно изучать именно этот традиционный аспект дворянской культуры, что позволит решить чрезвычайно существенную проблему ее функционирования на основе сохранения обычаев, традиций и родовых связей. Родовое начало и начало соборности, т. е. представление социальной общности как религиозного единства, относимые обычно к атрибутам народной культуры, в не меньшей степени определяли повседневную жизнь провинциальных дворян и дворянок.

Источником данной гипотезы является опровержение устоявшегося в российской историографии представления о дворянстве как об одном из сословий феодального общества. В реальности сословный принцип был юридической фикцией, конструктом, создаваемым с целью унификации достаточно аморфной социальной структуры России XVIII в. Поэтому рецепция элементов западноевропейской повседневности, как то: модные стили в архитектуре и интерьере жилищ, предметах обихода, рационе питания, одежде, образе жизни — должна была в известной мере компенсировать отсутствие адекватной сословной идентификации, способной заменить традиционные формы представления дворянства как родовой общности и конфессионального единства. Важно понять, какое место в организации дворянской общности отводилось традиционному и вновь созданному порядку полов («диспозиции полов»), как они соотносились друг с другом.

Наряду с представлением о значимости провинциальных миров для сохранения традиционности русского быта, несмотря на все европеизации, частью моей гипотезы является утверждение о степени отличия столичной и провинциальной дворянок, их образов жизни. При бесспорном существовании некоторых явных различий в образах жизни столичных и провинциальных дворянок в известном смысле грань между ними представляется условной и подвижной. Провинциальный образ жизни могли вести столичные дворянки, выезжая на лето в свои родовые загородные имения. Напротив, представительницы провинциального дворянства часто перебирались на зиму в город. Подобные сезонные миграции дворянства свидетельствуют об условности принятой терминологии в отношении оппозиции «столичное — провинциальное». Неоднозначность формальной классификации дворянок по локальному признаку переносит акцент на анализ собственно этоса дворянской культуры, т. е. внутренних культурных норм, организующих единство дворянской социальной общности. В этом смысле дворянки являлись носительницами репродуцируемой этнокультурной идентичности, создавая вместе с тем собственный женский этос, сочетавший как антропологическое, так и социокультурное, и воспроизводивший особую женскую ментальность, на которую оказывали влияние сословные и гендерные стереотипы.

Изучение повседневной жизни провинциальной дворянки исходит из того, что историю повседневности интересуют, *во-первых*, «обычные люди» в их ежедневных взаимоотношениях и взаимосвязях, *во-вторых*, особенности организации и восприятия ими же того «вещного мира», в котором протекала их обыденная жизнь, и, *в-третьих*, их ментальный склад, их проявлявшаяся изо дня в день эмоциональность как выражение их индивидуальности. Причем эти три аспекта особым образом детерминированы как исторической ситуацией, так и сложным комплексом идентичностей — этнической, конфессиональной, социокультурной, половозрастной. Особую роль играет локальная идентичность, ведь смена «локуса» — это не просто перемещение в пространстве, а изменение всей повседневной жизни, включая такие ее элементы, как устройство жилища, виды занятий и одежды, рацион и режим питания, речевая и письменная практика. Именно локальный аспект был подвержен действию совокупности таких факторов, как климатические условия, социальное окружение, культурно-бытовые традиции, политические события³².

Значение анализа повседневной жизни провинциальных дворянок доиндустриального времени для современных этнологических исследований определяется возможностью на его основе изучить дворянство «изнутри», проследить динамику этнокультурного развития российского дворянства в зависимости не столько от внешних макроизменений в социально-экономической и идейно-политической

³² Об особенностях восприятия дворянкой вынужденной смены столичной повседневности провинциальной см.: Белова А. В. «Вот каков прекрасный пол в Тамбове!»: Гендерная дифференциация тамбовского дворянского общества в письмах московской барышни // От мужских и женских к гендерным исследованиям.

сферах, сколько от внутренних трансформаций ментальности и этоса, по-разному проявлявшихся у представителей обоих полов. Одна из перспектив в изучении истории повседневности провинциальных дворянок заключается в сопоставлении материальных форм существования, эмоциональности и социальной жизни представительниц разных слоев русского дворянства (внутренне сложно дифференцированного), а также женщин-дворянок и мужчин-дворян с их специфическим осознанием собственных этнокультурной, локальной и половой идентичностей.

Какие шаги к этому необходимы?

Во-первых, реконструкция «структур повседневности» усадебного быта провинциальных дворянок в трех сферах жизни:

- в *материальной* — влияние на этот быт природных условий, климата, демографии, средств коммуникации; анализ организации жилища, традиций питания и «вещного окружения», костюма и моды, средств гигиены и ухода за телом, врачевания;
- в *эмоциональной* — выяснение шкалы ценностей, этических и эстетических представлений и идеалов, эмоций и переживаний, отношения к цвету, звуку; анализ внутреннего духовного мира женщины, ее религиозности и сексуальности;
- в *социальной* — изучение всех этапов жизненного цикла от рождения до смерти, осознания национальной, локальной, гендерной, культурной идентичностей в разные периоды жизненного цикла, отношений и связей, распорядка дня, занятости и наполненности досуга, круга чтения, сезонных укладов, поведения, вербальных и невербальных форм саморепрезентации.

Во-вторых, выявление элементов динамики в эволюции этих «структур повседневности», неизбежно являвшихся «факторами длительного действия», или реальностями «длительных циклов» (*«longue durée»* Ф. Броделя).

В заключение отмечу, что анализ современного состояния истории повседневности как направления и стратегии исследований в российском историческом дискурсе выявляет ее в стадии непосредственного становления. Вместе с тем очевидно, что проблематика истории повседневности междисциплинарна и «встроена» в разные научные дисциплины — не только историю³³, но и культурологию³⁴, феминологию³⁵, источниковедение³⁶, обновленное краеведение³⁷. Постановка же одной из прикладных проблем — проблемы повседневной жизни русской провинциальной дворянки — показывает, что результаты такого исследования позволяют уяснить не только особенности собственно повседневного

³³ Щербинин П. П. Повседневность солдатских жен в России в XIX в. // Там же.

³⁴ Николаева Е. В. Исторические традиции в культуре повседневности: Россия на рубеже XX—XXI веков // Выбор метода: изучение культуры в России 1990-х годов...; Оноприенко Н. В. Семиотика культуры повседневности: семантическое поле российского интерьера на рубеже XX—XXI веков // Там же.

³⁵ Белова А. В. Женская эпистолярная культура и дворянская повседневность в России конца XVIII — первой половины XIX века // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конф., посв. теории и истории женского движения, Санкт-Петербург, 7—9 июня 2001 г. / Сост. и отв. ред. Г. А. Тишкин. СПб., 2001; Она же. Гендерное измерение российской дворянской повседневности конца XVIII — первой половины XIX в. // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Материалы междунар. науч. конф., Иваново, 25—26 июня 2002 г. / Отв. ред. О. А. Хасбулатова. Иваново: ИвГУ, 2002.

³⁶ Белова А. В. «Женское письмо» как источник по истории российской дворянской повседневности // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Докл. и тез. XIV науч. конф., Москва, 18—19 апреля 2002 г. / Сост. Р. Б. Казаков; Редкол.: В. А. Муравьев (отв. ред.), А. Б. Безбородов, С. М. Каштанов, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2002; Каменский А. Б. Повседневная жизнь русского города XVIII в. как источниковедческая проблема // Там же.

³⁷ Севастьянова А. А. Феномен уклада в повседневной истории российской провинции // Там же.

быта, но и специфику гендерных отношений и идентичностей, и даже важные аспекты культурной модели России.